

УДК 340.12

DOI: 10.34670/AR.2026.77.98.010

**Личность как предел и цель правового развития: концепт
общественного идеала П.И. Новгородцева в контексте
современной теории прав человека**

Доценко Николай Николаевич

Аспирант,
Донской государственный технический университет,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: dotsenko@mail.ru

Працко Геннадий Святославович

Доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса,
Российский государственный университет путей сообщения,
127994, Российская Федерация, Москва, ул. Образцова, 9, стр. 9;
профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права,
Донской государственный технический университет,
344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: analitikarodis@yandex.ru

Аннотация

Статья раскрывает концепт общественного идеала П.И. Новгородцева через призму современной теории прав человека и обосновывает, что личность выступает одновременно пределом правовой инструментализации и целью правового развития. Показано, что персоналистский подход П.И. Новгородцева позволяет согласовать конституционные и международно-правовые стандарты без подмены защиты достоинства доктринальной самодостаточностью. Сделан вывод о применимости этой методологии для оценки правотворчества и судебной практики в условиях ценностных конфликтов.

Для цитирования в научных исследованиях

Доценко Н.Н., Працко Г.С. Личность как предел и цель правового развития: концепт общественного идеала П.И. Новгородцева в контексте современной теории прав человека // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 70-76. DOI: 10.34670/AR.2026.77.98.010

Ключевые слова

Общественный идеал, философия права, достоинство личности, правовое развитие, правовое государство, конституционализм, права человека, персонализм.

Введение

В отечественной философии права идея личности как нормативного центра правопорядка получила одну из наиболее глубоких разработок в трудах П.И. Новгородцева. Сегодня, когда правочеловеческая проблематика одновременно переживает этап институциональной стандартизации и фазу ценностных конфликтов, обращение к его концепции общественного идеала приобретает не историко-архивный, а методологически прикладной смысл. Современная теория прав человека, с одной стороны, опирается на универсализм достоинства и свободы, а с другой – сталкивается с конкурирующими режимами легитимации, где государственный суверенитет, демократическая воля большинства и культурная специфика нередко заявляются как аргументы против «чрезмерного» индивидуального приоритета. В этой точке напряжения новгородцевская установка на безусловную ценность личности позволяет заново поставить вопрос о границах правового развития и о критерии его подлинного прогресса.

Основная часть

П.И. Новгородцев входит в круг мыслителей, для которых право не сводимо ни к технике управления, ни к формальному выражению социальной силы. Его критика упрощенного правового оптимизма, унаследованного от просветительских схем, принципиально связана с отказом от иллюзии автоматической гармонии между «общей волей» и справедливостью. Уже в ранних построениях о кризисе правосознания он показывает, что государственно-правовая организация не может считаться самодостаточной моральной инстанцией, поскольку коллективные формы жизни подвержены внутренним антиномиям и не гарантируют защиты человеческого достоинства только в силу своей институциональности. Данная линия явно прослеживается в его анализе проблем народного суверенитета и правового государства, где за фасадом политической цельности раскрывается неизбежная сложность выражения «общего интереса» и риск подмены права волей большинства.

Решающее методологическое значение в новгородцевском концепте имеет различие нормативного предела и институциональной цели права. Предел задается недопустимостью обращения с человеком как со средством коллективного проекта, независимо от его политической оправданности и процедурной легальности. Цель выражается в таком устройстве правопорядка, при котором правовые формы не исчерпываются координацией интересов, а обеспечивают условия морально ответственной свободы личности. Различение устраняет ложную альтернативу между «формальным» правом и «этическим» содержанием: право сохраняет собственную юридическую определенность, но его легитимность проверяется способностью удерживать приоритет достоинства в конфликтах публичной пользы и индивидуальной автономии [Хошева, 2007, с. 59].

Конструкция позволяет строго развести три уровня анализа: аксиологический, догматический и институциональный. На аксиологическом уровне достоинство выступает источником безусловного статуса личности и предшествует текущим политико-правовым соглашениям. На догматическом уровне это выражается в системе субъективных прав, запретах дискриминации, требованиях пропорциональности и процессуальных гарантиях. На институциональном уровне проверяется, превращаются ли эти гарантии в устойчивую практику правоприменения. Анализируя данный подход, права человека понимаются не как перечень притязаний, расширяемый по конъюнктурному принципу, а как структурный критерий качества

правопорядка.

Здесь проявляется продуктивность новгородцевской критики исторического и социологического редукционизма права. Если правовая норма оценивается исключительно по факту ее действия или по степени политической поддержки, из анализа исчезает вопрос о должном. Но устранение нормативного измерения ведет к тому, что юридическая форма становится нейтральной оболочкой для любой воли, обладающей ресурсом принуждения. Новгородцевская линия, напротив, удерживает связь права с идеей справедливости без растворения юриспруденции в морализме: позитивное право сохраняет автономный предмет, однако подлежит критике в свете надпозитивного критерия личности как самоценности [Никитчик, 2022, с. 33].

В контексте конституционализма это означает, что принцип достоинства не может трактоваться как декларативная преамбула. Его юридическая функция состоит в ограничении законодателя, администрации и суда там, где формально корректные решения производят несоразмерное обременение человека. Следовательно, тест на конституционность не сводится к проверке компетенции и процедуры; необходима оценка материального содержания ограничения прав, его необходимости, соразмерности и сохранения неприкосновенного ядра правового статуса личности. Данная точка зрения согласуется с персоналистским ядром концепта общественного идеала: правовой порядок легитимен постольку, поскольку он институционально воспроизводит уважение к свободе и достоинству каждого [Гусев, 2016, с. 79].

Для правотворческой политики из этого вытекает требование двойной верификации нормативных решений. Первая верификация – системная: новый регулятивный массив должен быть внутренне согласован с конституционными гарантиями и международными обязательствами в сфере прав человека. Вторая – антропологическая: необходимо выявлять группы, на которые норма возлагает непропорциональные риски, и заранее проектировать компенсаторные механизмы. Без такой проверки правотворчество легко переходит к модели «управления категориями населения», где индивидуальный правовой статус подменяется усредненным административным профилем [Альбов и др., 1998, с. 453].

Судебная практика в данной рамке приобретает не политико-компенсаторную, а юридико-охранительную функцию. Суд не конструирует новый моральный порядок, но и не ограничивается регистрацией дискреции публичной власти. Задаче же восстановления нормативной иерархии, в которой целесообразность подчинена праву, а право – достоинству личности как предельному основанию. Оно особенно существенно в делах о столкновении безопасности, общественной морали, цифрового контроля и частной автономии: именно здесь проверяется, остается ли личность субъектом права или превращается в объект управления [Гусейнов, 2016, с. 21].

Новгородцевский общественный идеал в современном прочтении не описывает достижимое «совершенное состояние» общества. Юридический смысл состоит в задании постоянного критерия для оценки правового развития: расширяется ли пространство ответственной свободы, укрепляются ли гарантии от произвольного вмешательства, сохраняется ли равное достоинство в условиях социального и технологического неравенства. Правовой прогресс корректно фиксировать не по количеству принятых актов и не по интенсивности институциональных реформ, а по тому, насколько правовая система способна защищать человека в наиболее уязвимых ситуациях, где формальная законность испытывается конфликтом с сущностной справедливостью [Болотина, 2014, с. 26].

В более зрелом ракурсе новгородцевская философия общественного идеала уходит от противопоставления «индивидуального» и «социального» как взаимоисключающих начал. В полемике с крайностями и атомистического индивидуализма, и коллективистской абсолютизации он показывает, что личность не исчерпывается приватной автономией, но и не растворяется в безличной целостности. Социальный идеал, следовательно, не есть проект окончательно устроенного порядка, который можно «внедрить» административным усилием, а является нравственно-правовым горизонтом, постоянно корректирующим позитивное право. В этой оптике общественное развитие не отменяет личностного приоритета, а проверяется им: прогресс налицо лишь там, где расширяется пространство ответственной свободы, охраняется достоинство и уменьшается масштаб правового отчуждения человека. В материалах, представленных пользователем, хорошо видна внутренняя логика такого подхода, где критика мнимой завершенности общественных форм сочетается с требованием нравственной ориентированности правового бытия [Васильев, 2019, с. 19].

Если перенести эти положения в координаты современной теории прав человека, обнаруживается принципиально важная параллель. Ныне базовые правовые системы, несмотря на различия источников и доктрин, исходят из того, что человек и его права имеют высший ценностный статус, а обязанность государства состоит в признании, соблюдении и защите этих прав. В российском конституционном тексте данная формула закреплена прямо, причем не как политическая декларация, а как фундамент конституционного строя. Из этого следует, что личность выступает пределом государственного целеполагания: ни публичная эффективность, ни идеология безопасности, ни апелляция к традиции не могут легитимировать произвольное умаление сущностного содержания прав.

В международном измерении аналогичный ориентир задается Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, которая, будучи продуктом европейской правовой традиции, закрепляет не только каталог прав, но и логику их ограничения, запрещающую использование ограничительных механизмов в целях, отличных от тех, для которых они предусмотрены. Для исследуемой темы это принципиально: новгородцевская идея права как нравственно связанной формы получает институциональное подтверждение в современной доктрине пропорциональности и запрета злоупотребления ограничительными полномочиями [Демин, 2021, с. 39].

Интерес представляет российская судебно-конституционная практика, где вопрос о соотношении национального конституционного порядка и международных правовых обязательств был поставлен предельно остро. В теоретическом плане здесь возникает сложная коллизия двух моделей защиты личности. Первая модель подчеркивает суверенную конституционную рамку как гарантию прав, вторая делает ставку на наднациональные стандарты как дополнительный механизм от произвола национальной власти. Новгородцевский персонализм не позволяет принять ни одну из моделей в «чистом виде». Его логика требует проверять обе конструкции единым критерием: усиливают ли они реальную защищенность личности, ее свободу, достоинство и доступ к справедливому правосудию, или же подменяют этот результат доктринальной самодостаточностью [Авершин, 2022, с. 250].

Для современной теории прав человека особенно продуктивна новгородцевская идея «незавершимого идеала». Право не достигает моральной полноты окончательно; оно развивается в режиме постоянного сближения должного и сущего. Такая позиция блокирует две крайности сегодняшнего дискурса. С одной стороны, она препятствует юридическому технократизму, где права человека превращаются в процессуальный ритуал без

экзистенциального содержания. С другой – сдерживает моральный максимализм, требующий мгновенной юридической реализации абсолютных ценностей без учета институциональной сложности и социального контекста. В практическом измерении это означает, что правотворчество и правоприменение должны сочетать формальную определенность, предсказуемость и процедурную корректность с содержательной проверкой на гуманистическую обоснованность.

Заключение

Концепт общественного идеала П.И. Новгородцева не утратил актуальности в эпоху развитых правочеловеческих институтов и множественных правовых режимов. Напротив, именно сегодня он позволяет избежать ложного выбора между государствоцентризмом и абстрактным нормативизмом. Личность в его философско-правовой системе выступает предельной мерой допустимого для власти и одновременно целью, ради которой право вообще имеет смысл как социальная форма. Из этого вытекает принципиальный вывод: правовое развитие можно признать подлинным только тогда, когда расширение публичных возможностей государства не сопровождается сужением пространства человеческого достоинства и свободы [Андреев, 2022, с. 39].

Современная теория прав человека, опирающаяся на конституционные и международные стандарты, получает в новгородцевской традиции не просто историческое подтверждение, а метод оценки собственной состоятельности. Если нормы, институты и судебные решения усиливают защиту человека как носителя безусловной ценности, право движется в направлении своего идеала; если же права становятся инструментом политической целесообразности, правовое развитие теряет нравственный вектор, даже при внешней институциональной успешности.

Библиография

1. Авершин Д.С. Особенности методологии российской школы возрожденного естественного права // Актуальные проблемы экономики, управления и права. Ежегодный сборник научных трудов. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2022. С. 248–252.
2. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П., Сальников М.В., Соколова О.А., Степно-Шевченко Т.С., Сухоруков В.М., Федоров В.П., Цыганов В.И., Шевченко А.В., Шорин В.В. Русская религиозно-нравственная философия права (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Яценко, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский) // Философия права. Курс лекций: в 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. С. 403–633.
3. Андреев О.А. Роль правосознания в формировании права // Вестник науки. 2022. Т. 2, № 9 (54). С. 35–40.
4. Болотина Н.Ю. Личные материалы членов Государственных дум Российской империи в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) // Документальное наследие и историческая наука. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию члена-корреспондента РАН, профессора В.И. Буганова. Москва: ЭлекСис, 2014. С. 24–27.
5. Васильев Б.В. И.А. Ильин и П.И. Новгородцев: две концепции государственности // Colloquium heptaplomeres. 2019. № VI. С. 18–21.
6. Гусев В.А. П.И. Новгородцев как консерватор // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 74–83.
7. Гусейнов Ф.И. Профессор П.И. Новгородцев и Московский Коммерческий Институт // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. № 3(136). С. 5–24.
8. Демин И.В. Идея достоинства личности и «право на достойное существование» в русском либерализме конца XIX – начала XX вв. (Б.Н. Чичерин и П.И. Новгородцев) // Медицина и право. Материалы международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Приволжский исследовательский медицинский университет, 2021. С. 38–45.

9. Никитчик А.А. Принципы права как основа правовой системы: взгляд либеральных правоведов Российской империи второй половины XIX в. – начала XX в. // Алтайский юридический вестник. 2022. № 4 (40). С. 30–36.
10. Хошева Е.С. П.И. Новгородцев о свободе // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-1(56). С. 57–62.

Personality as the Limit and Goal of Legal Development: The Concept of Social Ideal of P.I. Novgorodtsev in the Context of Modern Theory of Human Rights

Nikolai N. Dotsenko

Postgraduate Student,
Don State Technical University,
344003, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: dotsenko@mail.ru

Gennadii S. Pratsko

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Law and Procedure,
Russian University of Transport,
127994, 9, building 9, Obraztsova str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Commercial and Business Law,
Don State Technical University,
344003, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: analitikarodis@yandex.ru

Abstract

The article reveals the concept of social ideal of P.I. Novgorodtsev through the prism of the modern theory of human rights and substantiates that the personality acts simultaneously as the limit of legal instrumentalization and the goal of legal development. It is shown that the personalist approach of P.I. Novgorodtsev allows for the harmonization of constitutional and international legal standards without substituting the protection of dignity with doctrinal self-sufficiency. A conclusion is drawn about the applicability of this methodology for assessing lawmaking and judicial practice in conditions of value conflicts.

For citation

Dotsenko N.N., Pratsko G.S. (2026) Lichnost' kak predel i tsel' pravovogo razvitiya: kontsept obshchestvennogo ideala P.I. Novgorodtseva v kontekste sovremennoy teorii prav cheloveka [Personality as the Limit and Goal of Legal Development: The Concept of Social Ideal of P.I. Novgorodtsev in the Context of Modern Theory of Human Rights]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 70-76. DOI: 10.34670/AR.2026.77.98.010

Keywords

Social ideal, philosophy of law, human dignity, legal development, rule of law state, constitutionalism, human rights, personalism.

References

1. Avershin, D.S. (2022). Osobennosti metodologii rossiyskoy shkoly vozrozhdennogo yestestvennogo prava [Peculiarities of the methodology of the Russian school of revived natural law]. In Aktual'nyye problemy ekonomiki, upravleniya i prava. Yezhegodnyy sbornik nauchnykh trudov (pp. 248–252). Kazan: University of Management "TISBI".
2. Albov, A.P., Maslennikov, D.V., Salnikov, V.P., Salnikov, M.V., Sokolova, O.A., Stepno-Shevchenko, T.S., Sukhorukov, V.M., Fedorov, V.P., Tsyganov, V.I., Shevchenko, A.V., & Shorin, V.V. (1998). Russkaya religiozno-nravstvennaya filosofiya prava (V.S. Solovyev, B.N. Chicherin, E.N. Trubetskoy, P.I. Novgorodtsev, N.N. Alekseyev, S.L. Frank, B.P. Vysheslavtsev, I.A. Ilyin, A.S. Yashchenko, I.V. Mikhaylovskiy, E.V. Spektorskiy) [Russian religious and moral philosophy of law (V.S. Solovyov, B.N. Chicherin, E.N. Trubetskoy, P.I. Novgorodtsev, N.N. Alekseev, S.L. Frank, B.P. Vysheslavtsev, I.A. Ilyin, A.S. Yashchenko, I.V. Mikhailovsky, E.V. Spektorskiy)]. In Filosofiya prava. Kurs lektsiy: v 2 t. T. 2 [Philosophy of Law. Course of Lectures: in 2 vols. Vol. 2] (pp. 403–633). St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
3. Andreev, O.A. (2022). Rol' pravosoznaniya v formirovaniy prava [The role of legal consciousness in the formation of law]. Vestnik nauki, 2(9(54)), pp. 35–40.
4. Bolotina, N.Yu. (2014). Lichnyye materialy chlenov Gosudarstvennykh dum Rossiyskoy imperii v fondakh Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov (RGADA) [Personal materials of members of the State Dumas of the Russian Empire in the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. In *Dokumental'noye nasledie i istoricheskaya nauka. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu chlena-korrespondenta RAN, professora V.I. Buganova* (pp. 24–27). Moscow: ElekSis.
5. Demin, I.V. (2021). Ideya dostoinstva lichnosti i "pravo na dostoynoye sushchestvovaniye" v russkom liberalizme kontsa XIX - nachala XX vv. (B.N. Chicherin i P.I. Novgorodtsev) [The idea of human dignity and the "right to a decent existence" in Russian liberalism of the late XIX - early XX centuries (B.N. Chicherin and P.I. Novgorodtsev)]. In Meditsina i pravo. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (pp. 38–45). Nizhny Novgorod: Volga Research Medical University.
6. Gusev, V.A. (2016). P.I. Novgorodtsev kak konservator [P.I. Novgorodtsev as a conservative]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, (3), pp. 74–83.
7. Guseynov, F.I. (2016). Professor P.I. Novgorodtsev i Moskovskiy Kommercheskiy Institut [Professor P.I. Novgorodtsev and the Moscow Commercial Institute]. Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta, 3(136), pp. 5–24.
8. Khosheva, E.S. (2007). P.I. Novgorodtsev o svobode [P.I. Novgorodtsev on freedom]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 4-1(56), pp. 57–62.
9. Nikitchik, A.A. (2022). Printsipy prava kak osnova pravovoy sistemy: vzglyad liberal'nykh pravovedov Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX v. – nachala XX v. [Principles of law as the basis of the legal system: the view of liberal jurists of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Altayskiy yuridicheskiy vestnik, 4(40), pp. 30–36.
10. Vasilyev, B.V. (2019). I.A. Ilyin i P.I. Novgorodtsev: dve kontseptsii gosudarstvennosti [I.A. Ilyin and P.I. Novgorodtsev: Two concepts of statehood]. Colloquium heptaplomeres, (VI), pp. 18–21.